

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Модернизация и традиция*

В. Г. ФЕДОТОВА

(Институт философии РАН)

В статье анализируется соотношение модернизации и традиции, которое менялось в разные периоды истории. Отмечается, что трудность анализа касается не только подвижного и меняющегося содержания модернизации, но и многообразного понимания традиции. Социолог и антрополог Ш. Айзенштадт был одним из первых исследователей, обративших внимание на распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью. Он обнаружил разнообразие этапов развития современного общества.

Автор предлагает типологию, выделяющую первый, второй и третий модерны. Им соответствуют свои формы взаимоотношения модернизации и традиции. Традиционное общество заменялось инновационным. Традиции в нем воспринимались негативно, хотя продолжали действовать. Первый модерн осуществился Западом в XIX в. Это был либеральный модерн, сформировавший под влиянием Просвещения новую целерациональность, науку, автономного, ответственного индивида, свободный рынок, индустриальное общество, капитализм, начала правового государства, новые обычаи и культурные явления вследствие множества инноваций. Второй модерн, возникший на Западе в XX в. после Первой мировой войны и Октябрьской революции, называется организованным и характеризуется социал-демократией, технократией и бюрократией. Социал-демократия стала реакцией Запада на Октябрьскую революцию, направленной на то, чтобы избежать ее повторения в своих странах. Технократия и бюрократия стали реакцией на технологический прогресс. Традиции здесь давали себя знать. Из-за этого возникали сомнения в догоняющей модели модернизации.

Автору статьи принадлежит термин «третий модерн» как новое Новое время для незападных стран. Возникновение третьего модерна относится к началу XXI в. Этот термин сегодня используется многими исследователями. Модернизация периода третьего модерна учитывает собственную традицию и культуру вступивших в этот процесс стран.

Ключевые слова: модернизация, традиция, инновация, модерн, типы модерна, культура, институциональная среда, экономика, политика, человек, Ш. Айзенштадт.

Сегодня процесс модернизации потерял те ясные и однотипные очертания, которые он имел на более ранних этапах модернизации, когда канонизировался опыт Запада. Догоняющая Запад модель модернизации признавалась единственно возможной для незападных стран и трактовалась как отказ от собственной традиции

* Подготовлено при поддержке РФНФ (проект «Взаимодействие культуры и модернизации в современных процессах и проектах развития», грант № 12-03-00564).

The work was supported by Russian Foundation for the Humanities (project "The Interrelation of Culture and Modernization in Contemporary Development Processes and Projects", grant No. 12-03-00564).

в пользу новых институциональных связей, заимствованных на Западе. В институциональных переменных выделась предпосылка дальнейшего восприятия ценностей Запада и перестройки традиционного общества. Победа инновации над традицией считалась важнейшим признаком модернизации.

Сегодня ситуация усложнилась. Соотношение модернизации и традиции изменилось.

РАННИЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ О СООТНОШЕНИИ ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ

Проблема соотношения традиций и инноваций, рассмотренная в свете модернизационной теории, имела долгое время ряд стандартных решений. Они состояли в том, чтобы:

— во-первых, признать в традиционном обществе наличие господства традиций над инновациями, а также необходимости отказа от возможных инноваций там, где они препятствуют сохранению традиции. Традиционные общества — это общества, основанные на воспроизводстве посредством традиций и воспроизводстве самих традиций. Эпоха, хорошо иллюстрирующая эту специфику, — весь мир до начала Нового времени; Средневековье в Европе, характерным для которого было осуществление жизни по правилам религиозной христианской традиции; незападный мир, сохранивший свои традиционные основы;

— во-вторых, заключить, что начавшаяся в Новое время модернизация Запада как его путь к современному обществу была связана с естественно-историческим ростом инноваций и в конечном счете с преобладанием инноваций над традициями и формированием самой традиции к получению постоянных инноваций. По мнению Э. Гидденса, инновационное развитие Запада продолжается в течение 500 лет, это уже стало его прочной традицией, настолько прочной, что Запад сегодня предстает как своего рода новый тип традиционного общества, радикально отличающийся от того, чем он был до начала модернизации в Новое время (Giddens, 1998). Тогда он был традиционный, ориентированный на Бога и судьбический космос. Ныне Запад — инновационный, но превративший инновации в традицию;

— в-третьих, утверждать, что в XXI в. произошли серьезные изменения. Новой инновацией стало вступление в модернизацию многих незападных стран. Россия, Мексика, Турция, Япония, Китай и прежде находились в этом процессе, но он осуществлялся по модели догоняющей Запад модернизации, в которой собственная культура, сохраняющая черты традиционности, воспринималась как препятствие тому, чтобы догнать Запад и стать современным. Новым в XXI в. стал отказ от модернизации незападных стран в форме догоняющей Запад модели и переход к признанию значимости культуры и традиций этих модернизирующихся стран для их дальнейшего развития, влияния традиций на характер и темпы модернизации и понимание современности (модерна) сегодня.

При постановке вопроса о соотношении традиций и модернизации трудность определения касается не только подвижного и меняющегося содержания модернизации, которого мы коснулись выше, но и многообразного понимания традиции при всем отношении к ней как к символу устойчивости. По мнению выдающегося социолога и антрополога Ш. Айзенштадта¹, традиция обозначает различные аспекты социальной структуры, поведения индивидов, верований и культурных представлений, способы легитимации социополитического порядка, характер восприятия

социальной и культурной реальности, принципы устройства крупных социальных и политических систем, иными словами, «те компоненты обширного резервуара социального и культурного опыта, которые стали наиболее влиятельными способами решения возникающих перед обществом проблем и которые сохранялись при всех исторических, структурных и организационных переменах» (Эйзенштадт, 1998b: 237). Эйзенштадт отмечает необходимость подчеркивания значимости в традиции не только символического содержания, но и структурных и организационных факторов, обычаев и повседневных привычек, устойчивости и преемственности и одновременно динамики изменений. Иными словами, традиция обладает устойчивостью в передаче разного вида опыта одновременно с динамикой, обусловленной творческим началом. Согласно другому известному исследователю — Э. Шилзу термин «традиция» и связанные с ним другие определения «используются для описания и объяснения повторяемости, в почти идентичной форме, структур поведения и характера верований на протяжении нескольких поколений или же в течение длительного времени в рамках одного общества или регионов, имеющих в какой-то степени общую культуру» (Шилз, 1998: 240). Он пишет: «Объяснение причин, почему совершается то или иное действие или же сохраняется то или иное поверие, сводится к тому, что “такова традиция”, которая создает мотивацию и стремление действовать определенным образом или верить во что-то... Термин “традиционный” используется для обозначения целых обществ, подверженных относительно медленным переменам, или же обществ, которым присуща тенденция легитимации деятельности через ссылку на то, что она уже имела место в прошлом. Практически все существующие макросоциологические классификации обществ основаны так или иначе на различии между “традиционными” или “нетрадиционными” или “современными” типами» (там же).

Одним из первых исследователей, обратившим внимание на распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью, был Ш. Эйзенштадт. Он выявил следующие дихотомии модернизации: свобода и авторитарность; стабильность и преемственность; революционность и постепенность; социальная рациональность модерна, пришедшая с Просвещением в Европе, и культурные ориентации и ценности традиций религиозного или мистического опыта. Эйзенштадт отмечал: «...большой частью традиция рассматривалась в противопоставлении как качественным, так и организационным аспектам устройства общества независимо от того, какое содержание вкладывалось в традицию: как накопленные стародавние обычаи, как привязанность к прошлому и некритическое принятие прежнего опыта и смыслов, как легитимация какой-либо деятельности со ссылкой на прошлое или же придание прошлому священного статуса. Усиление качественных характеристик современности часто воспринималось как процесс, равнозначный упадку традиций. Упадок или слом традиций, эрозия традиционных основ легитимности общественного порядка воспринимались как предпосылка развития свободы, утверждения принципов рациональности и “нетрадиционных” концепций справедливости, которые и определялись как наиболее существенные характеристики современного общества» (Эйзенштадт, 1998a: 471–472).

Именно это он называет ранней модернизационной традицией, хотя во многих обществах она была реализована поздно. Великая Октябрьская социалистическая революция в России заложила основы отказа от прошлого и тогда, когда революционная фаза была завершена. Неолиберальный российский проект 1990-х годов не со-

стоялся. Либеральным был первый модерн XIX в., окончательно перестроивший средневековый порядок, а в XX и тем более в начале XXI в. повторить его не удалось.

НОВЫЕ ИЛИ ПОЗДНИЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Айзенштадт показал, что в конце 1950-х — середине 1960-х годов появилась критика ранних теорий модернизации, отрицающая дихотомию «традиция — современность» из-за ее концентрированности на западном опыте и неспособности объяснить историю модернизации незападных стран. Надо заметить, что в этот период еще преобладали традиции догоняющей модернизации. СССР, выдвинувший лозунг «догнать и перегнать Америку», еще не привлекал внимание к тем аспектам своего развития, которые касались его национальных традиций, дореволюционного опыта модернизации, развития на основе собственной идентичности, несмотря на то что догоняющая модель развития технологий сочеталась с идеей нового человека, коммунистическими принципами и не была догоняющей в полной мере.

Таковой она стала в России лишь после распада коммунизма, в 1990-х годах, когда на повестку дня встала проблема посткоммунистического будущего и осуществления социальной и политической модернизации по модели Запада. Неолиберальная модель, под флагом которой начали происходить перемены в 1990-е годы, была догоняющей Запад модернизацией, отрицающей советский и российский опыт. Обнаружилась непригодность упоминавшейся успешной модели либерального XIX в., касающаяся внедрения инновации в противовес традиции, в конце XX в. Эта попытка не осуществилась, произошел уход от идеи построения современного общества к транзитологической упрощенной версии построения только демократии и рынка. Демократия стала практически реализовываться как правление «этих» демократов, а рынок как частная коммерческая деятельность с преобладанием торговли. Отрицание традиции как российского, так и советского опыта дало в конечном счете урок разделения традиции и традиционализма (как доминирования традиции над инновацией), отсюда признание хотя бы относительной значимости традиций в современных или модернизирующихся обществах напомнило о пронизанности настоящего прошлым, равно как и возможности предположить вероятность реализации иных тенденций в прошлом.

Строго говоря, эта «неранняя» концепция модернизации еще не соответствовала названному Ш. Айзенштадтом времени своего появления — 1950–1960-м годам, явившимся тяжелым испытанием для модернизационной теории и не приведшим к ее замене чем-то другим. Безликий термин «развитие» вытеснил достаточно определенный термин «модернизация», поскольку начавшаяся деколонизация культивировала в бывших колониях надежды на догоняющую модернизацию, представленную в двух видах — социалистической и капиталистической. Но они оба оказались неудачными до такой степени, что о модернизационных теориях на время забыли.

Важным тезисом является признание Айзенштадтом многообразия современностей (*multiple modernities*). По его мнению, объяснить историю современности (модернити) можно, если смотреть на нее как на историю непрерывного обоснования и переосмысления культурных программ и культурных образов современности. Этот важный тезис получил свое подтверждение прежде всего в прохождении человечеством разных этапов современности. Главное содержание его аргумента: соотношения между отдельными обществами сегодня — это диалог или столкновение не между культурами, а между (в немалой степени являющихся культурными)

интерпретациями современности, и наилучшим способом понять это можно в терминах непрерывности культурного развития и изменчивости многообразных современностей.

Кроме того, обнаружено разнообразие этапов развития современного общества. При обсуждении вопроса о соотношения традиции и модернизации имеет большое значение то, что на разных этапах модерна это соотношение было различным. В соответствии с имеющейся и преобладающей типологией этапов модерна выделяются первый, второй и третий модерны.

Первый модерн, о котором много писали Дж. Александер, П. Вагнер, Э. Гидденс и другие исследователи, осуществился Западом в XIX в. Это был либеральный модерн, сформировавший под влиянием Просвещения новую целерациональность; науку; автономного, ответственного индивида или, как называл его Э. Геллнер, модульного индивида, выделившегося из прежних человеческих сообществ; свободный рынок; индустриальное общество; капитализм; начало правового государства; новые обычаи и культурные явления вследствие множества инноваций. Подобная совокупность факторов считалась обязательной для вновь вступающих в модерн стран.

В начале XX в. первый либеральный модерн пережил кризис, усугубленный Первой мировой войной, Октябрьской революцией и заменой модернизационной идеологии либерализма идеями *организованной современности* и организованного капитализма на Западе в XX в., начавшими появляться с начала века, имевшими влияние как до Второй мировой войны, так и во время ее и после ее окончания, вплоть до начала 1980-годов. Первым, кто выдвинул теорию организованного капитализма во время Первой мировой войны, был австрийский марксист австро-марксистской группы и социальный теоретик, главный социал-демократический специалист Веймарской республики Р. Хилфердинг. Теория организованного капитализма получила развитие в 1920-х годов. Под влиянием идей Р. Хилфердинга немецкие исследователи Дж. Фельдман, Х. Винклер в 1974 г. написали книгу «Организованный капитализм». Как отмечается в этой книге, капитализм прошел качественные изменения в конце XIX в. Классическая анархия конкуренции среди мелких производителей в экономике, лишенной планирования и вмешательства государства, превратилась к началу Первой мировой войны в высокоорганизованную экономику, отличающуюся концентрацией и бюрократизацией производства, организацией труда и работодателей в заинтересованные группы, активной ролью государства в принятии экономических решений (Feldman, Winkler, 1974; Callaghan, Hopner, 2012).

Многие западные исследователи распространили характеристику организованности с капитализма на новый (второй) тип современности (модерна) XX в., особенно его второй половины, назвав его второй организованной современностью. Среди них С. Лэш, Дж. Урри, П. Вагнер и др. (Lash, Urry, 1987; Wagner, 1994; *The Languages of Civil Society*, 2006; Shin Jong-Hwa, Terrier, Wagner, 2005). Традиционные общества и *первый либеральный модерн* XIX в. соответствовали описанной в начале статьи схеме ранней модернизации на Западе. *Второй модерн, возникший на Западе в XX в. после Первой мировой войны и Октябрьской революции*, называется *организованным* и характеризуется не либерализмом, а *социал-демократией*. Она стала реакцией Запада на Октябрьскую революцию, направленной на избежание подобного опыта Западом, увеличившей экономическую производительность западного капитализма, характеризуемого массовым обществом, возникшим ради целей производства и управления людьми, в условиях замены автономного ответственного индивида предшеству-

ющего либерального модерна человеком массы. Далее последовал кризис второго модерна и его постмодернистская критика, возвратившая интерес к традиции и критику модернизма за пренебрежение ей.

Введенный нами термин «третий модерн» как новое Новое время для незападных стран, формирование которого зависит от исторического опыта и исторических традиций незападных обществ, создает модернизацию, учитывающую собственную традицию и культуру вступивших в этот процесс незападных стран (Федотова В., Колпаков, Федотова Н., 2008: 424–451). По мнению тех исследователей, кто сохранил отношение к постмодерну как к кризису второго модерна, модернизации не завершены, новый модерн предстоит, но каким он будет, говорил ясно, пожалуй, П. Вагнер, — либеральным. Ю. Хабермас, отрицавший «конец модерна», видел новый модерн примерно так же.

Наше понимание выработалось в полемике как с сомнениями в возможности нового модерна, так и с его либеральной трактовкой. Изменяться, постоянно отбрасывая становящееся традиционным прошлое, в первом модерне, постоянно наращивая средства управления после Первой мировой войны во втором организованном модерне, предполагать конец модерна в постмодернизме, реанимировать традиционное многообразие и прийти к модерну, питаемому традицией, — таков реальный исторический путь модернизации и ее отношения к традициям. Роль традиции объясняется в третьем модерне тем, что разнообразные формы модернизации в этих условиях более всего связаны с тем, что неопределенность, открытость, многовариантность, негарантированность позитивного итога становятся его главными характеристиками. Концепция Ш. Айзенштадта, которая вызрела в обществе в 1950–1960-е годы, опередила время. Только сейчас, в третьем модерне, она оказалась полностью адекватной реальности. Но одновременно, оглядываясь назад, мы сегодня можем усложнить теоретические схемы раннего модерна. Признаком поздних теорий модерна является согласие жить в свободном, малопредсказуемом мире, строить планы и предпринимать собственные решения без гарантии их позитивного осуществления, в предположении рисков. Такое понимание современности отражено в работах многих ученых, рассуждающих о рисках (У. Бек), неопределенностях.

«В то же самое время, — разъясняет Айзенштадт, — одним из самых важных смыслов термина “многообразие современностей” (*multiple modernities*) является то, что современность и вестернизация не идентичны; не только западные образы современности являются “аутентичными” модернизации, даже будучи историческими прецедентными и продолжающими оставаться основными точками отсчета для других... Объяснить историю современности (модернити) — это увидеть ее как историю непрерывного обоснования и переосмысления многообразия культурных программ и культурных образов современности» (Eisenstadt, 2000: 3). Однако Айзенштадт отмечает, что «институциональные констелляции» первоначального модерна в Европе оказались преобладающими в последующих модернизациях и обществах модерна.

«КУЛЬТУРА ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ»

Многообразие современностей характерно в большей мере для третьего модерна, вовлекшего незападные страны в «недогоняющую» модернизацию, результаты которой зависят от исходных условий — культуры, традиций, обычаев, культурных кодов вступившей в модернизацию незападной страны. Облик модерна (современности), которого достигают эти страны, отличается необычайным многообразием. Частично

они используют вестернизацию, особенно в сфере финансов, банков, передовых технологий, заимствуя при этом и опыт незападных успешных соседей. Запад тоже не чужд того, чтобы использовать опыт не-Запада, проявляя интерес к истернизации и другим формам заимствования чужого опыта. Принимая актуальность концепции «множества современностей» для сегодняшнего дня, нельзя не заметить, что и прежде она имела некоторый смысл. Так, многообразие Запада, остающегося примером современности, имеющим смысл в сравнении с «не-Западом», не может скрыть различия «современностей» ведущих в ЕС стран Западной Европы в сравнении, например, с Грецией, Португалией, Испанией, Италией, которые позже стали «современными» и испытывают экономические трудности, связанные со спецификой своих культур и образов жизни в экономическом соревновании с лидерами. Сходный по смыслу пример, но с более успешными результатами — Китай, который, найдя комбинацию идеологии со своей культурой, используя присущие людям упорство, терпение, трудолюбие, признание иерархии, бережливость, догоняет США по экономическим показателям. В подзаголовке книги «Культура имеет значение», опубликованной в США в 2000 г., раскрыт смысл этой фразы, ставшей названием, для модернизации: «Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу» (Культура имеет значение, 2002). Один из авторов книги Ту Вэймин, как и Ш. Айзенштадт, говорит о множественности модернизаций и значении этого для Восточной Азии. Упоминая это, мы хотим подчеркнуть, что третий в нашей формулировке модерн был воспринят именно как множественный: «Понятие модернизации отражает определенный исторический феномен и в то же время представляет собой мыслительную конструкцию. Идея множественности модернизаций базируется на трех взаимосвязанных предпосылках: постоянном присутствии традиции, которая активно влияет на процесс обновления, использовании незападного наследия в саморефлексии современного Запада, глобальном значении локального (местного) знания» (Ту Вэймин, 2002: 237). Ту Вэймин считает, что конфуцианское наследие Китая очень важно как для экономики, так и для морального состояния общества. Как и Айзенштадта, Ту Вэймина интересуют антиномии, разрешение которых определяло модернизиационные процессы в Китае: «...в 1930-е годы... в трех циклах обсуждения (какая из альтернатив “сельское хозяйство или промышленность”, “капитализм или социализм”, “восточная культура или западное образование” — должна обеспечить успешную конкуренцию Китая с империалистическими державами) был наработан исключительно богатый материал» (там же: 238). Тут важно то, что выбор Китая делается в свободном обсуждении, а не рассматривается как некая закономерность, предопределенность или судьбический космос. Этот пример говорит о том, что модернизация не выступала как некоторая предопределенность даже в 1930-е годы, даже в Китае, а свидетельствует о конструктивистских дискуссиях, с помощью которых формируется модернизационный проект, за который люди несут ответственность, так как он может получиться, а может и не получиться, если не подвергнется корректировке. Подобное обстоятельство, пожалуй, является главным свойством модерна. Ту Вэймин высказывает мнение, что опыт Китая может быть интересен Западу и может способствовать тому, чтобы последний посмотрел на себя не как на нечто завершенное или совершенное, а как на комплекс широких и еще неизвестных возможностей. Опыт Азии помогает преодолеть некоторые дихотомии западного видения, а именно «традиционное — современное», «западное — незападное», «локальное — глобальное». Действительно, обе части указанных антиномий в разных пропорциях присутствуют

в любом опыте. Сегодня многие готовы согласиться с мнением этого ученого, который писал: «...те тезисы и установки, которые лучшим умам Запада казались самоочевидными, сегодня предстают неубедительными. В остальном мире столь ожидаемый переход от традиции к современности так и не состоялся, не завершился он и в Западной Европе и Северной Америке» (там же: 240). Сходство итогов модернизаций в разных странах многие видят в конstellации институциональных параметров со свободной конструктивной деятельностью людей (Ш. Айзенштадт), имеющихся гражданских правах и свободах (Ю. Хабермас и др.), технологических инновациях, переходах к новым технологическим циклам (Д. Белл, китайский специалист по модернизации Хэ Чуаньцы, С. Ю. Глазьев и др.), в наличии каналов вертикального и горизонтального распространения инноваций (Э. А. Паин), рынке, инновациях, образовании, правовом регулировании (большинство теоретиков и идеологов модернизации) и т. д., но нет как общей теории совокупности необходимых признаков модернизации и перехода к современности (модерну) того или иного типа, так и даже «обязательной» характеристики обществ третьего модерна, кроме той, что существует многообразие вариаций модернизаций в разных странах и локальных образов современности. Уверенность состоит лишь в том, что они формируются с опорой на собственную культуру и осознание своих задач, усваивая общие принципы модерна, впервые сформированные Западом, путем адаптации и переработки их применительно к условиям стран, в которых осуществляется модернизация. В этом именно смысле культура этих стран имеет значение. Например, при том что Китай активно заимствует опыт других стран, в особенности Запада, в технологиях, образовании, обучая огромное количество китайских студентов за рубежом, особенно в Америке, решающую роль в модернизации Китая играют желание китайцев поднять свою страну, трудолюбие, дешевизна рабочей силы, навыки накопления и торговли, а не покупок и трат, конфуцианская этика, включая служение обществу, наличие лидеров модернизации — Шанхая, с первой трети XX в. ставшего городом развивающейся индустрии. Вот эти китайские традиции играют примерно такую же роль, как протестантская этика Европы. Без подобных традиционных комплексов, нравственных принципов и отношения к труду модернизация вряд ли может осуществиться. И идеи множества модернизаций и путей к ним основаны как раз на обнаружении специфических традиционных предпосылок модернизационного развития особенно в третьем модерне XXI в. Оглядываясь назад, можно заметить, что усилия догоняющей модернизации незападных стран в XX в. давали разные результаты, тоже связанных с наличием базовых традиционных предпосылок религиозно-нравственного характера и связанных с отношением к труду.

Э. А. Паин, рассматривая вслед за Ш. Айзенштадтом, П. Штомпкой, Э. Тирикьяном и другими исследователями эволюцию модернизационных теорий в направлении признания большего многообразия, многовекторности и специфичности результатов модернизации в различных обществах, отмечает: «...стала очевидной ошибочность прямого противопоставления традиций и инноваций, и не только потому, что современные общества включают в себя многие традиционные элементы: традиционные общества, в свою очередь, нередко обладают такими чертами, которые потом считаются современными. Кроме того, выяснилось, что сама модернизация нуждается в опоре на традицию, поскольку традиционные символы и формы лидерства могут оказаться жизненно важной частью ценностной системы, на которой основывается модернизация» (Паин, 2009: 44). Анализ западных теорий модернизации приводит Паина к вы-

делению двух форм модернизации: управляемой, спроектированной элитой, и органичной, основанной на спонтанном заимствовании культурных норм и ценностей на основе готовности общества, слоев населения, «заинтересованных в перенесении новшеств в новую культурную среду и способных к их распространению, внедрению и защите» (там же: 42). Он пишет: «Диффузия инноваций связана и с состоянием социально-культурной почвы в стране-реципиенте, которое характеризуется множеством параметров, например наличием каналов вертикального и горизонтального распространения инноваций» (там же). Паин возлагает большие надежды на эмпирические социологические исследования модернизации, дающие реальные образцы многообразия модернизирующихся и модернизируемых обществ, которые позволяют их каталогизировать и представить в виде континуума обществ с разными локально-цивилизационными и стадийными особенностями, которые он характеризует следующим образом: общества с давними историческими традициями модернизации; пережившие форсированную социалистическую модернизацию; развивающиеся, только вступившие на путь индустриальной модернизации; немодернизированные, архаичные (там же: 41). По его мнению, эти и другие конкретные исследования (смены технологических укладов, урбанизации, демографии и пр.) вывели «теорию модернизации из плена сугубо умозрительных рассуждений философов и политологов. У нее появилась более строгая методологическая база, использующая новые социометрические и экономические методы анализа социальных и экономических процессов» (там же).

Действительно, расширение методов исследования модернизации и ее эмпирические исследования весьма интересны, но осуществленные вне концептуального поля философского и политологического видения, они лишают теорию модернизации общего концептуального видения, не предлагают категоризации типов модерна и их исторической последовательности, которую дает только философия, не связывают обсуждение модерна с историей модернизации, а лишь с кажущейся эмпирически интересной и почти очевидной схемой различий стран. В итоге, модернизация сужается в своем теоретическом виде до эмпирически наблюдаемого и сводится сначала к эмпирически очевидному и необходимости улучшения всего, т. е. к повседневной трактовке, а затем к идеологеме, что во многом и произошло сегодня на практике с российским проектом модернизации технологий, экономики, но не общества и не человека. Философия вместе с политологией, теоретической социологией, экономической наукой как раз вводит концептуальные рамки типов модерна, теорий модернизации и их связи с историей, дает исторические примеры их осуществления, позволяющие отыскать как общее, так и специфическое в модернизации разных стран в разные эпохи и этапы истории, восстановить значимость традиций для модернизации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Автор использует написание фамилии «Айзенштадт» (Eisenshtadt). — Прим. ред.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу (2002) / под. ред. А. Харрисона, С. Хантингтона. М. : Московская школа политических исследований. 320 с.

Паин, Э. А. (2009) Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. № 6. С. 37–54.

Ту Вэймин (2002) Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. А. Харрисона, С. Хантингтона. М. : Московская школа политических исследований. 320 с. С. 237–250.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества. М. : Культурная революция. 607 с.

Шилз, Э. (1998) О содержании термина «традиция» // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов / сост., ред. и автор вступ. ст. Б. С. Ерасов. М. : Аспект Пресс. 556 с. С. 240–245.

Эйзенштадт, Ш. (1998а) Новая парадигма модернизации. Распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов / сост., ред. и автор вступ. ст. Б. С. Ерасов. М. : Аспект Пресс. 556 с. С. 470–479.

Эйзенштадт, Ш. (1998b) О неопределенности термина «традиция» // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов. / сост., ред. и автор вступ. ст. Б. С. Ерасов. М. : Аспект Пресс. 556 с. С. 237–240.

Callaghan, H., Hopner, M. (2012) Changing Ideas: Organized Capitalism and the German Left // West European Politics. Vol. 35. No. 3. P. 551–573.

Eisenstadt, Sh. N. (2000) Multiple Modernities // Daedalus. Vol. 129. No. 1. P. 1–29.

Feldman, G. D., Winkler, H. A. (1974) Organisierte Kapitalismus: Voraussetzungen und Anfänge. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht. 223 p.

Giddens, A. (1998) The Third Way: The Renewal of Social Democracy. Cambridge : Polity Press. x, 166 p.

Lash, S., Urry, J. (1987) The End of Organized Capitalism. Madison, WI, University of Wisconsin Press. 383 p.

Shin Jong-Hwa, Terrier, J., Wagner, P. (2005) The Languages of Civil Society: Varieties of Interpretation. Badia Fiesolana : San Domenico (Fl). 49 p. (EUI Working Paper SPS. No. 3.)

The Languages of Civil Society (2006) / ed. by P. Wagner. Oxford ; N. Y. : Berghahn Books. ix, 258 p.

Wagner, P. (1994) A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. L. : Routledge. xv, 267 p.

Дата поступления: 12.03.2014.

MODERNIZATION AND TRADITION

V. G. FEDOTOVA

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

The article examines the interrelation between modernization and tradition that has taken various forms in different historical periods. It is noted that it is difficult to analyze not only the flexible and changing content of modernization, but also diverse interpretations of tradition. S. N. Eisenstadt was one of the first social theorists to draw attention to the decline of the early paradigm of modernization and revision of the correlation between tradition and modernity. He found various stages in the development of modern society.

The author proposes a typology, which defines and separates the first, the second, and the third modernity. These types of modernity correspond with the forms of relations between modernization and tradition. Traditional society was replaced by innovative society, which was attributing negative connotation to traditions, although these traditions continued to function. The first modernity was built by the West in the 19th century. It was a liberal modernity, which (as a result of the Enlightenment's influence) formed a new goal-rationality, science, an autonomous and responsible individual, free market, industrial society, capitalism, principles of the law-bound state, new customs and cultural phenomena due to multiple innovations. The second modernity emerged in the West in the 20th cen-

ture after the World War I and the October Socialist Revolution. It is called the organized modernity and characterized by social democracy, technocracy and bureaucracy. Social democracy has become the West's reaction to the October Socialist Revolution in order to avoid its repetition in Western countries. Technocracy and bureaucracy were a response to technological progress. Traditions here were making themselves visible. Therefore, there were doubts in the catching-up model of modernization.

The author has coined the term “the third modernity” as a new Modern era for the non-Western countries. It appeared in the beginning of the 21st century. The term is now employed by many scholars. The modernization of the third modernity takes into account its own tradition and culture of the countries that have taken this path.

Keywords: modernization, tradition, innovation, modernity, types of modernity, culture, institutional environment, economics, politics, human being, Shmuel Eisenstadt.

REFERENCES

Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obschestvennomu progressu [Culture Matters: How Values Shape Human Progress]. (2002) / ed. by L. Harrison and S. Huntington. Moscow, Moscow School of Political Studies. 320 p. (In Russ.).

Pain, E. A. (2009) *Mnogokul'turnaia modernizatsiia: evoliutsiia teoreticheskikh vzgliadov* [Multi-Cultural Modernization: Evolution of Theoretical Approaches]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 37–54. (In Russ.).

Tu Wei-ming (2002) *Mnozhestvennost' modernizatsii i posledstviia etogo iavleniia dlia Vostochnoi Azii* [Multiple Modernities: A Preliminary Inquiry into the Implications of East Asian Modernity]. In: *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obschestvennomu progressu* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress] / ed. by L. Harrison and S. Huntington. Moscow, Moscow School of Political Studies. 320 p. Pp. 237–250. (In Russ.).

Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A. and Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: Tri velikie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnosheniia ekonomiki i obschestva* [Global Capitalism: Three Great Transformations. A Socio-philosophical Analysis of the Economy — Society Relationship]. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ. 607 p. (In Russ.).

Shils, E. (1998) *O sodержanii termina «traditsiia»* [On the Notion of Tradition]. In: *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii* [A Comparative Study of Civilizations] : Reading Book: Textbook for University Students / ed. by B. S. Erasov. Moscow, Aspekt Press. 556 p. Pp. 240–245. (In Russ.).

Eisenstadt, S. (1998a) *Novaya paradigma modernizatsii. Raspad ranney paradigmy modernizatsii i peresmotr sootnosheniia mezhdru traditsiei i sovremennostyu* [A New Paradigm of Modernization. The Decline of the Early Paradigm of Modernization and Revision of the Relations between Tradition and Modernity]. In: *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii* [A Comparative Study of Civilizations] : Reading Book: Textbook for University Students / ed. by B. S. Erasov. Moscow, Aspekt Press. 556 p. Pp. 470–479. (In Russ.).

Eisenstadt, S. (1998b) *O neopredelennosti termina «traditsiia»* [On the Uncertainty of the Concept of Tradition]. In: *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii* [A Comparative Study of Civilizations] : Reading Book : Textbook for University Students / ed. by B. S. Erasov. Moscow, Aspekt Press. 556 p Pp. 237–240. (In Russ.).

Callaghan, H. and Hopner, M. (2012) *Changing Ideas: Organized Capitalism and the German Left. West European Politics*, vol. 35, no. 3, pp. 551–573.

Eisenstadt, S. N. (2000) *Multiple Modernities. Daedalus*, vol. 129, no. 1, pp. 1–29.

Feldman, G. D. and Winkler, H. A. (1974) *Organisierter Kapitalismus: Voraussetzungen und Anfänge*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht. 223 p. (In German).

Giddens, A. (1998) *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Cambridge, Polity Press. x, 166 p.

Lash, S. and Urry, J. (1987) *The End of Organized Capitalism*. Madison, WI, University of Wisconsin Press. 383 p.

Shin Jong-Hwa, Terrier, J. and Wagner, P. (2005) *The Languages of Civil Society: Varieties of Interpretation*. Badia Fiesolana : San Domenico (FI). 49 p. (EUI Working Paper SPS, no. 3.)

The Languages of Civil Society (2006) / ed. by P. Wagner. Oxford ; New York, Berghahn Books. ix, 258 p.

Wagner, P. (1994) *A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*. London, Routledge. xv, 267 p.

Submission date: 12.03.2014.

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором социальной философии Института философии РАН. Адрес: 119991, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14. Тел.: +7 (499) 697-91-89. Эл. адрес: valentina_fedotova@front.ru

Fedotova Valentina Gavrilovna, Doctor of Science (philosophy), professor, the head of the Social Philosophy Sector, the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 14 Volkhonka St., Moscow, Russian Federation, 119991. Tel.: +7 (499) 697-91-89. E-mail: valentina_fedotova@front.ru